

Н. В. Резенова

МЕМУАРИСТИКА В ОТОБРАЖЕНИИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНОГО СКУЛЬПТОРА СТЕПАНА ДМИТРИЕВИЧА ЭРЬЗИ

*Работа представлена кафедрой этнокультуры
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. И. Брыжинский*

В статье анализируется роль мемуаристики в воспроизведении жизни и творчества выдающегося представителя русской культуры С. Д. Эрзи. Особое значение уделяется тому аспекту, что воспоминания восполняют отсутствие документов о фактических сведениях жизни скульптора, а также являются отражением личности самого мемуариста, особенностей восприятия им творчества и событий жизни С. Эрзи.

The author of the article analyses the memoirs' role in life reproduction of Stepan Erzya, the prominent representative of the Russian culture. Special attention is given to the aspect that memoirs complete the absence of documents about real facts of the sculptor's life and also reflect the personality of the memoirist himself, peculiarities of his artistic work and life perception.

При создании литературного портрета художника в мемуарно-биографическом аспекте вполне закономерно обращение к прошлому, к памяти свидетелей и участников прошедших незабываемых событий. Воспоминаниям принадлежит важное место в документальном наследии С. Эрзи по изучению минувшего. Только они могут дать такие сведения, о которых не скажут ни письма, ни дневники, ни личные документы.

Большой талант интересен во всех проявлениях: в самом творчестве, в привязанностях и вкусах художника, в связях с людьми и даже в манере поведения и человеческих привычках, заблуждениях и ошибках, почти всегда поучительных и исторически объяснимых.

«Зрелище жизни великого человека, – писал В. Г. Белинский, – есть всегда прекрасное зрелище: оно возвышает душу, мирит с жизнью, возбуждает деятельность!...»¹ Талантливо написанная биография гения обладает огромной воспитательной, исто-

рико-познавательной, агитационной и эстетической мощью. Обостренное писательское, человеческое внимание к великим деятелям национальной культуры предопределяется, наконец, и тем, что такое внимание помогает выражению национального самосознания народа, способствует ему полнее и глубже осознать свое место в общечеловеческой культуре и истории. Биографии, жизнеописания великих людей – это своего рода ступени лестницы, по которым человечество, народы поднимаются, осознавая свой духовный, культурно-исторический опыт. Свидетельством тому является жизнь великого скульптора мордвина С. Д. Нефедова, известного во всем мире под псевдонимом Эрзя.

Воспоминания являются особенно важными в документальном ряду, так как они написаны на основе личных впечатлений и непосредственного общения, ярко и образно воспроизводят события и подробности жизни С. Эрзи. Существенная значимость воспоминаний еще и в том, что они

восполняют отсутствие документов, подтверждающих фактические сведения о том или ином периоде жизни С. Д. Эрзи.

Личность его глубоко оригинальна, в некоторой степени даже загадочна. В его биографии есть особые страницы, не типичные для других деятелей такого масштаба. Взять хотя бы годы его жизни вне Родины – в Италии, Франции, в Южной Америке. Творческая и человеческая судьба этого человека в высшей степени ярка, содержательна и драматична. Это судьба подлинного таланта, порывистого и упорного, со взлетами и неудачами, с резкими противоречиями таланта, сумевшего сохранить свое лицо во всех превратностях жизни.

Мемуарный источник в значительной степени интересен живыми подробностями. Авторы воспоминаний, извлекая из прошлого своего личного общения с С. Эрзей главное, определяющее, выражают это в завершенном образе скульптора. Особую ценность представляют те воспоминания, авторы которых руководствуются стремлением придерживаться правды.

Ценность воспоминаний во многом обусловлена и тем, что они являются отражением личности самого мемуариста, особенностей восприятия им творчества и событий жизни С. Эрзи. Но наряду с этим надо учитывать, что авторы воспоминаний выражают субъективный взгляд на события прошлого, пропущенного через индивидуальное сознание пишущего. И этот фактор, присущий данному виду документов, усиливается в результате стремления автора не только отразить то, каким он видит скульптора, но и осмыслить те или иные его качества и поступки, его творческий путь. Не всегда это является обоснованным. Наличествуют и спорные моменты, когда автор несколько пристрастен в своих оценках. Но положительным является то, что в основном мемуаристы избегают стремления выдвинуть себя на передний план в качестве главного героя повествования, преувеличения своих достоинств и заслуг.

В силу того, что воспоминания издаются спустя какое-то время, они содержат ретроспективный взгляд на биографию и творческую судьбу скульптора, здесь возможны смещения акцентов и некоторые неточности в освещении фактов. А так как важна объективная оценка облика скульптора, то вследствие этого воспоминания необходимо рассматривать в комплексе, в сопоставлении с другими документальными материалами. В воспоминаниях, естественно, нет исчерпывающей биографии С. Эрзи, да они и не преследуют этой цели.

За годы, прошедшие со дня смерти С. Д. Эрзи, накоплена немалая мемуарная литература. Все авторы воспоминаний, безусловно, понимали глубину таланта и величие личности скульптора и многие из них выполнили задачу – запечатлеть навсегда его истинный образ, показать его таким, каким он был в действительности. Дополняя друг друга, эти воспоминания создают в совокупности представление о С. Эрзе как о неординарном человеке и выдающемся художнике, именем которого будут гордиться потомки.

Среди авторов воспоминаний о скульпторе – крупнейшие представители интеллигенции, искусства, общественные деятели, родные и близкие.

Большая часть воспоминаний о С. Эрзе написана близко знавшими его людьми, с которыми он общался на протяжении многих лет своей жизни. Давнее непосредственное общение со скульптором дает широкую возможность для воссоздания его индивидуального образа. И временной фактор, разделяющий начало работы над воспоминаниями от состоявшихся в прошлом встреч и общения, не препятствуют его созданию, ибо портрет С. Эрзи воссоздается в свете всего пережитого и испытанного им.

Личность скульптора, его духовный склад, мировоззренческие принципы, жизненные критерии определили содержание воспоминаний о нем. В них ясно вырисовывается яркая художническая натура с

жаждой жизни и душевной щедростью, стремлением к возвышенному и прекрасному в искусстве.

Отталкиваясь от конкретных фактов, зная свойства личности и особенности творчества С. Эрзи, авторы воспоминаний с особой теплотой и тщательностью воссоздают облик скульптора. В воспоминаниях содержится много ценного, немало интереснейших фактов, деталей и наблюдений. Каждая удачно найденная конкретная подробность придает портрету наглядную убедительность, по-новому способствует освещать характер.

Важен также отраженный в воспоминаниях тот фон, на котором происходило общение.

Каждый из мемуаристов ценен своим личностным восприятием пережитого прошлого, того главного, что произошло, было прочувствовано и выделено в жизни и творчестве С. Д. Эрзи в результате встреч мемуаристов со своим индивидуальным современником. И авторы воспоминаний каждый раз как бы возвращают нас к тому, что запечатлелось в их памяти о жизни скульптора. Зачастую авторы воспоминаний сосредотачивают свое внимание на том, что по тем или иным причинам оказалось недостаточно освещенным. При недостатке или отсутствии фактических сведений в биографии скульптора, воспоминания становятся дополнительным источником данных. Благодаря им можно восстановить недостающие сведения, заполнить лакуны в биографии С. Эрзи. Поэтому даже единичные факты личной и творческой биографии скульптора, отраженные в воспоминаниях, приобретают особую ценность.

Так, А. Амфитеатров зафиксировал и прокомментировал в своей записной книжке неприятный эпизод, произошедший с С. Эрзей в Париже, когда у него фактически отняли и увезли в Америку свыше девяноста работ, на что скульптор сказал в адрес предприимчивого деятеля: «Кэто свинство! Вы... кэто... подлец!»²

Сам Амфитеатров, судя по его признанию, «вознегодовал не столько даже на американского жулика, сколько на русского растеряху-художника, который позволил ограбить себя не где-нибудь, а в Париже...»³

Очень трогательно читать слова оправдания в адрес Эрзи, сказанные А. Амфитеатровым после того, как он разобрался во всей этой истории: «...нет на свете существа, менее способного к гражданскому иску и процессу, чем этот тридцатилетний младенец в русской посконной рубахе, философически носимой им к совершенному остолбенению обитателей итальянской Ривьеры»⁴.

Он пишет об исключительности С. Эрзи и его дарования, сравнивая его с великой актрисой М. Н. Ермоловой: «Истинно говорю: второй в жизни своей, пестрой знакомством с талантливыми людьми, экземпляр такой встречаю – совершенно равнодушный к тому, что скажет о нем какой-либо иной художественный суд, кроме своей собственной совести. Первый экземпляр этой чудесной человеческой природы – Мария Николаевна Ермолова. А до чего общий у них – этой великой актрисы и этого молодого скульптора – характер дарований, так это даже до жуткости удивительно!»⁵

Автор воспоминаний, упомянутых выше, прав. Эти строки вносят свою лепту в формирование наших представлений о скульпторе. Они уникальны, так как исходят от свидетеля тех событий, а также ценны своей подлинностью и искренностью.

Единственное предложение, сказанное С. Эрзей в момент получения неприятной и шокирующей новости, немногословно, но оно говорит о многом: о боли скульптора за своих потерянных «детей», о его страданиях, о чуткой ранимой душе скульптора. Привлекая только ему известные сведения, детали, автор характеризует скульптора, открывает его внутренний мир, говорит о том, что он все воспринимал остро и порой чувства вырывались у него негодованием и протестом.

Значимость воспоминаний Амфитеатрова в том, что они освещают события зарубежной жизни С. Д. Эрзы, касаются переломных моментов его пути, что в них присутствует фактическая точность, подлинность, так как их автор – участник тех трагических событий, а также в том, что они написаны литературоведом, критиком.

С большой теплотой вспоминает об Эрзе бывший студент Высшей художественной школы Азербайджана Иосиф Ефимович Бобровицкий. «Со Степаном Дмитриевичем я встречался в стенах училища. Скульптурой я не занимался, но бывал у него в мастерской, интересовался его работами и беседовал с ним... Степан Дмитриевич был общителен, любил молодежь и приглашал в свою мастерскую, не в пример другим преподавателям... Из бесед со Степаном Дмитриевичем у меня остались в памяти его объяснения, как нужно воспринимать скульптурное произведение. Он утверждал, что эмоции, чувства – это первое, что должна вызывать скульптура как художественное произведение, этому способствует образ, создаваемый художником, и реализм в скульптуре не является определенной задачей художника, а независимо от художника проявляется в его произведениях, и чем ярче образ, созданный им, тем он (реализм) убедительнее»⁶.

Однако мы не собираемся идеализировать личность Степана Дмитриевича при всем уважении к нему, как к человеку и скульптору. Ради объективности следует сказать, что он обладал далеко не ровным характером. Современники и близкие знают его как человека вспыльчивого, временами грубого, обидчивого. В. И. Ингал, постоянно работавший в то время со Степаном Дмитриевичем, говорил впоследствии: «Поссорились мы, к сожалению. Характеры были разные, неуступчивые. Я был задирист и жаждал проявить самостоятельность, а Эрзя – властен»⁷.

Авторы воспоминаний останавливают свое внимание на всех наиболее важных

вехах жизненного и творческого пути С. Д. Эрзы. Осмысливая все трагическое, многие из них воспроизводят события, связанные с аргентинским периодом жизни скульптора, который продолжался без малого 23 года. Друзья С. Эрзы старались поддержать его по мере сил. Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Аргентине М. Г. Сергеев в своих воспоминаниях о С. Эрзе писал о том, что у скульптора были тяжелые годы в Аргентине. Менялись правители, а скульптор оставался один со своей тяжелой судьбой в чужой стране. Он не принимал подданства Аргентины. Всегда оставался гражданином Союза Советских Социалистических Республик. Более того, он не изменял своему характеру. Он всем с гордостью показывал свой красный заграничный паспорт гражданина Страны Советов, как свою защиту. А того и знать не хотел, что этот паспорт был выдан лишь на один год и давно просрочен. К нему иногда плохо относились полицейские власти, но его спасало то, что у него был советский паспорт, хотя и просроченный.

О дополнительной информативной ценности воспоминаний Сергеева говорит следующий факт. Благодаря воспоминаниям Михаила Георгиевича мы имеем достаточно полный словесный портрет С. Эрзы аргентинского периода. Вот как М. Сергеев описал свою первую встречу со Степаном Эрзей: «И вот в кабинет вошел пожилой человек ниже среднего роста, с широким лбом, в очках, с большой лысиной на голове. Довольно длинные усы свисали на выбритые щеки и подбородок. Одет он был в черный костюм, немного широковатый для него, белую рубашку и полосатый галстук. Войдя в кабинет, он огляделся по сторонам. Я вышел из-за стола, и он, протягивая мне узловатую, сильную руку, отрекомендовался: “Эрзя, Степан Дмитриевич”.

Мы сели. Я сказал Эрзе, что уже слышал о нем и хотел его увидеть. Эрзя улыбнулся и сказал, что с приездом советского посольства в Буэнос-Айрес ему будет не так

одиноко, как это было в течение многих лет. Ведь лет пятнадцать в Аргентине не было никаких советских учреждений...»⁸

Воспоминания Михаила Георгиевича Сергеева представляют большой интерес как один из наиболее полных источников, содержащих многие подробности и детали жизни С. Эрзы в Аргентине. Именно у Сергеева есть обращающая на себя внимание запись о том, как С. Эрзя относился к себе и собственному здоровью: «Вспоминаю такой случай. Как-то в посольстве раздался телефонный звонок. По телефону сказали, что Эрзя тяжело заболел и нуждается в срочной медицинской помощи. Врач вместе с секретарем посольства выехал к нему. Однако дом скульптора оказался на замке. Секретарь подумал, что Степана Дмитриевича увезли в больницу. После долгих поисков и выяснений у соседей, что же случилось с Эрзеем, его наконец нашли. Он сидел в соседней таверне и пил фруктовый напиток. Когда секретарь стал выяснять, что с ним произошло, и сказал, что приехал врач и хочет его осмотреть, Эрзя произнес: “Был я болен, а сейчас здоров. Разве я хуже врача знаю, что со мной? Что он, внутрь ко мне может, что ли, заглянуть?” От медицинского осмотра он так и отказался. “Давайте лучше выпьем по стаканчику”, – резюмировал он этот разговор»⁹.

В своих воспоминаниях М. Сергеев выходит за рамки личных воспоминаний и придает им характер своеобразного аналитического исследования. Он является наблюдательным и точным интерпретатором жизни и творчества скульптора аргентинского периода. Им столь верно и глубоко подмечены основные черты характера Степана Эрзы, что можно с уверенностью утверждать, что его воспоминания – правдивый и ценный мемуарный источник.

То же самое можно сказать и о воспоминаниях Владимира Григорьевича Сутеева, который всегда выделял Эрзю из всех многочисленных знакомых своей семьи, говоря, что в скульпторе все было необык-

новенно: «Лицо – тонкий лик русского святого с большими, порой озорными голубыми глазами, сиявшими добротой и мудрой одухотворенностью, и крепкая фигура крестьянина, привычного к тяжелому труду. Впоследствии я убедился в его огромной физической силе, которую он приобрел в постоянной борьбе с материалом: гранитом, мрамором и прочим. И одежда на нем была необычна: Эрзя носил длинные шерстяные блузы оригинального покроя – с широченными рукавами (думаю, что он их кроил сам), шаровары, на ногах – грубые солдатские ботинки с обмотками... И все это каким-то образом гармонически сочеталось в нем, делало его своеобразно красивым... Говорил он мало, своеобразно прицокивая. До сих пор не знаю, умел ли он говорить по-мордовски, по-русски он говорил с трудом (все существительные у него были мужского рода). Несмотря на долгое пребывание за границей (а Эрзя побывал во многих странах), он научился там едва ли не двум-трем иностранным словам. Да ему, пожалуй, и не нужно было знать языки – он говорил языком искусства»¹⁰.

Интерес к выставкам Эрзы всегда был громадным, теперь же, когда скульптор предстал перед зрителем почти во весь свой творческий рост, и гений его засверкал в дереве, цементе, мраморе всеми своими гранями, да еще в год ликования всех людей доброй воли по случаю победы Советского Союза над фашизмом, он поразил всех неповторимостью своих произведений и величиим своего творческого могущества. «Каждое произведение Эрзы, – отмечалось в печати Аргентины, – единственное и неповторимое. Его вещи не будут продаваться в миниатюрах для пресс-папье, как “Амур и Психея” Кановы. В случае разрушения его вещей... – реставрация невозможна. Эрзя гениален, неподражаем и неповторим...»¹¹

Можно было удивляться не только гениальности скульптора, но и обилию произведений, сделанных его руками. То,

что зрители видели на выставке, убеждало их, что у этого человека работе отдано все: и время, и удобства, и личная жизнь. Люди часами простаивали перед образами, созданными вдохновением, умом и сердцем этого удивительного человека, который с неподражаемой силой страсти проникал и в жизнь давно минувшей старины человечества, и волнения современного мира, все-му давая свое истолкование, все отражая как лично пережитое волнение. При разнообразии тем, сюжетов и идей скульптурные образы его несут бурную энергию и полны призывов на борьбу за утверждение разумной, красивой и справедливой жизни на земле.

«Степан Эрзя, – писал аргентинский журналист Лузаретта де Пилар, – современный кудесник. Творческая сила его долота, его фантазия, руководимая иногда естественными формами ствола, в которых она фиксируется, ставят его вне времени и классификации художников. Одаренный внутренней кипучей жизнью, глубоко откровенной творческой способностью, которая выступает в формах, в скульптурных фантазиях, он сам кажется каким-то образом природной силой. Его творчество как бы увлечено ураганом вереницы порывистых действий... Поэтому он так эмоционален и так многозначен в своих произведениях. Степан Эрзя утвердился среди нас, хотя он и не связал себя с нашей средой: он есть и всегда будет отшельником, анахоретом мира, хоть и живет в мире. Он живет “в своем” мире и оттуда извлекает материальные выражения своего искусства, настолько индивидуального и неподражаемого. Он – дровосек, который вместо того, чтобы уничтожать, творит, и для кого дерево, неотесанное бревно, запутанное корневище моле или кебрачо загораются и продолжают гореть в искреннем, благородном и в красноречивом творении... Его изобретательность и широкие идеи просвечиваются через все творчество... Он сотрудничает с природой, извлекает из нее вдохнове-

ние, обращается к ней и понимает ее. Его последние работы, выставленные в галерее Мюллера, говорят о том, что он художник глубокой эмоциональности, как маг, который умеет благодаря своей способности наблюдения и проницательности вырывать у земли ее секрет статистической жизни и выражений»¹².

Во многом аналитическое начало воспоминаний о С. Эрзе связано со стремлением авторов показать свой взгляд на облик скульптора, в котором широта воззрений сочеталась с твердостью убеждений, с бескомпромиссным отрицанием того, что он считал безнравственным, недостойным для художника, и он никогда не отступал от своих принципов. Духовная красота скульптора – не только в его нравственных убеждениях, она проявляется и в деталях внешности, и в пластике его движений, в артистизме, в разнообразии эмоциональных проявлений. В С. Эрзе наблюдалась поразительная адекватность всего духовного в нем внешнему, наружному, что выделяло его среди многих других известных современников. Таким он видится большому числу авторов.

Благодаря воспоминаниям о С. Эрзе мы можем подчеркнуть и осмыслить немало сведений о нем, показать природу его дарования, соприкоснуться с его духовным миром.

Эрзя в своих эстетических взглядах, в понимании искусства – глубоко индивидуален. Его законы красоты, его понятие красоты во всем ее многообразии являлись сугубо личными. Он никогда не претендовал на то, чтобы его эстетические взгляды навязывались кому бы то ни было. Эрзя только требовал, чтобы их признавали как выражение его личности и чтобы как таковые они всегда уважались.

Эрзя не допускал пренебрежительного отношения к своим работам и, участвуя на многочисленных международных выставках, требовал, чтобы они занимали подобающее им место. Если же он считал, что

к его работам отнеслись пренебрежительно, без должного уважения, Эрзя требовал восстановления справедливости. При этом он не считался ни с положением лица, которому он высказывал свой протест, ни с формой, в какую этот его протест облекался.

Эрзя имел свой, только ему присущий язык для выражения своих замыслов. Его скульптурный язык был отличным от других. И Степан Дмитриевич, начиная с первых шагов своей творческой деятельности, считал, что он должен выражать себя в искусстве только своим собственным, одному ему присущим языком. Много времени Эрзя проводил в изучении работ известных скульпторов, стремясь через восприятие их произведений найти и понять дефекты в своих собственных работах. Большое разнообразие превосходных скульптурных работ, которые Эрзя видел в музеях разных стран мира, не оказали влияния ни на стиль, ни на манеру его работы. И это было не результатом его упрямства, а следствием врожденного характера его творчества. Ведь Эрзя всегда был художником особенным, художником, действовавшим в основном по своим личным побуждениям, художником, наделенным неиссякаемой фантазией.

Эрзя был чужд самодовольству и не любил низкопоклонства со стороны других. Он всегда проявлял полнейшее безразличие и пренебрежение к внешним формам жизни. Он смеялся над манерой судить о людях по их внешнему виду и над тем, как некоторые лицемеры угодничают и льстят тому, в ком они замечают превосходство над собой. Эрзя всегда проявлял непосредственность и свою незаинтересованность в

общении с высокопоставленными лицами и светскими кругами и не добивался от них какой-либо протекции. Эрзя никогда не хвастался своими знакомствами, как бы значительны они ни были, и никогда не использовал такие знакомства и связи в своих интересах.

О творчестве Эрзи было написано много статей и заметок. Но что такое газетная статья о творчестве большого художника? Многого в ней не скажешь, серьезного разбора творчества не сделаешь, хороших репродукций не поместишь. Да и газетный номер живет только один день. И сколько бы статей не публиковалось о творчестве художника в газетах и журналах, пусть будут их хоть сотни, они не могут заменить собой одну хорошо изданную книгу.

И заветной мечтой Эрзи было издание альбома о его творчестве, с высокохудожественными репродукциями, в которых была бы передана не только сила образа, но и теплота дерева, его оттенки. Он хотел, чтобы о его работах знали все, кто любит истинное искусство. Подобно поэту, который считает, что его поэзия будет звучать лишь тогда, когда стихи будут напечатаны и дойдут до народа, Эрзя считал, что его произведения не должны быть пленниками музея, а жить, пусть в репродукциях, вместе с народом.

Различие точек зрения, индивидуальных особенностей, личных пристрастий и вкусов, стилевых манер только подчеркивают общность авторов воспоминаний в создании реального и достоверного образа Степана Дмитриевича Эрзи – великого скульптора и не менее великого человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Белинский В. Г.* Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 1. С. 504.

² *Амфитеатров А.* Из записной книжки // Одесские новости, 25 августа 1913. С. 2.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ *Бобровицкий И. Е.* Мой путь. Л., 1972. С. 12.

⁷ *Кудрявцев А.* Скульптор Ингал. Л., 1966. С. 11.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

⁸ *Сергеев М. Г.* С родиной в сердце // Воспоминания о скульпторе С. Д. Эрзе. Саранск, 1972. С. 52.

⁹ Там же. С. 58.

¹⁰ *Сутеев В. Г.* Мой первый учитель // Воспоминания о скульпторе С. Д. Эрзе. Саранск, 1972. С. 148.

¹¹ *Цетлин Н.* Гений Степан Эрзя // Журнал «Звено». Буэнос-Айрес, июль 1945. С. 40.

¹² *Пилар Лузаретта де.* Степан Эрзя – современный кудесник // Еженедельный иллюстрированный журнал аргентинских сельских женщин и девушек. 19 августа 1932 г. С. 67.